

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 94(574)

ББК 63.3(5Каз)4

Г 46

DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-4-309-15-24

РОЛЬ ХАНА САЛКАМА ДЖАНГИРА В УРЕГУЛИРОВАНИИ КАЗАХСКО- ДЖУНГАРСКИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В XVII В.

(Рецензирована)

Саялбек Махамбетович Гиззатов¹

Нурсултан Наурызгалиевич Отеуов²

Шымырбай Жаксыбаевич Нартбаев³

¹Национальный музей Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан

^{2,3}Центрально-Азиатский инновационный университет, г. Шымкент, Казахстан

¹sayalbek@mail.ru

²nursultan.nurik.2014@inbox.ru

³nartbayev68@list.ru

Аннотация. Несмотря на ряд исследований XX - начала XXI вв. в области казахской истории, истории Джунгарского и Калмыцкого ханств нового времени (И.Я. Златкин, В.А. Моисеев, С.А. Едилханова, М. Тынышпаев, К.А. Пищулина и др.) казахско-калмыцкие, казахско-джунгарские отношения остаются до сих пор малоизученными. Особенно это касается внешней политики, проводимой казахскими властителями в отношении своих соседей. По крайней мере, до 30-х гг. XVIII в. эти сведения оставались разбросанными в русских, среднеазиатских, китайских и калмыцких источниках. В этой связи документальная информация подаётся в них под соответствующим углом зрения, репрезентуя исключительно косвенные сведения, касающиеся военных, дипломатических фактов этих отношений. Причём далеко не всегда она бывает объективной. Более того, эти сведения даже некоторым образом обладают нарративным содержанием. Такое положение вещей приводит к тому, что в целом ряде современных работ имеющиеся в распоряжении авторов исторические факты подвергаются искажению, неоправданному домысливанию (а не объективной интерпретации) и даже мифологизации, что, естественно, не имеет ничего общего с истинным научным знанием. Вместе с тем такой фактический материал представляет несомненную научно-историческую ценность, поскольку способен расширить и углубить понимание сложных, противоречивых процессов в сегменте центральноазиатской истории. В предлагаемой статье предпринята попытка восполнить посредством систематизации документального материала существующий пробел в исследовании рассматриваемого периода и сопровождавших его событий, связанных с деятельностью казахского хана Джангира.

Ключевые слова: хан Джангир, казахи, ойраты, Джунгарское ханство, Эрдани Батур, Орбулакская битва.

Для цитирования: Гиззатов С.М., Отеуов Н.Н., Нартбаев Ш.Ж. Роль хана Салкама Джангира в урегулировании казахско-джунгарских военных конфликтов в XVII в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2022. Вып. 4 (309). С. 15-24. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-4-309-15-24.

Original Research Paper

THE ROLE OF KHAN SALKAM DZHANGIR IN THE SETTLEMENT OF KAZAKH-DZUNGARIAN MILITARY CONFLICTS IN THE XVII CENTURY.

Sayalbek M. Gizzatov¹
Nursultan N. Oteuov²
Shymyrbai Zh. Nartbayev³

¹*National Museum of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan*

^{2,3}*Central Asian Innovation University, Shymkent, Kazakhstan*

¹*sayalbek@mail.ru*

²*nursultan.nurik.2014@inbox.ru*

³*nartbayev68@list.ru*

Abstract. Despite a number of studies of the 20th – beginning of the 21st century in the field of Kazakh history, the history of the Dzungarian and Kalmyk khanates of modern times (I.Ya. Zlatkin, V.A. Moiseev, S.A. Edilkhanova, M. Tynyshpaev, K.A. Pishchulina and some others) Kazakh-Kalmyk, Kazakh-Dzungarian relations are still insufficiently studied. This is especially true of the specification and details of the foreign policy pursued by the Kazakh rulers in relation to their territorial neighbors. At least, until the 30s of the 18th century this information is scattered across Russian, Central Asian, Chinese and Kalmyk sources. In this regard, documentary information is presented in them from the appropriate angle of view, representing only indirect information concerning the military, diplomatic facts of these relations. It is not always objective. Moreover, this information even has a narrative content in some way. This state of affairs leads to the fact that in a number of modern works, the historical facts available to the authors are distorted, have unjustified speculation (and not objective interpretation) and even mythologization, which, of course, has nothing to do with true scientific knowledge. At the same time, such factual material is of undoubted scientific and historical value, since it is able to expand and deepen the understanding of complex, contradictory processes in the segment of Central Asian history. The proposed article attempts to fill in the existing gap in the study of the period under consideration and the events accompanying it related to the activities of the Kazakh Khan Dzhangir by means of systematization of documentary material.

Keywords: Khan Dzhangir, Kazakhs, Oirats, Dzungarian Khanate, Erdani Batur, Orbulak battle.

For citation: Gizzatov S.M., Oteuov N.N., Nartbaev Sh.Zh. The role of Khan Salkam Dzhangir in the settlement of the Kazakh-Dzungarian military conflicts in the 17th century // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences, Culturology». 2022. Iss. 4 (309). P. 15-24. DOI: 10.53598 / 2410-3691-2022-4-309-15-24.

Введение. Казахско-джунгарские отношения XVII в. представляют собой тот временной пласт, при исследовании которого возникает проблема ограниченности документальной информации, на которую мог бы опереться историк. Основная часть как собственно документальных источников, так и серьёзных исторических работ посвящена проблемам российско-джунгарских, российско-китайских отношений. Такова, например, книга И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства 1635-1758» (1983) – исследование, которое по праву может быть названо классическим и на которое постоянно ссылаются уже более современные авторы. В ряду работ казахстанских исследователей наиболее интересной представляется монография В.А. Моисеева «Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.)» (1991), где автором уделено внимание султану, а затем хану Джангиру и одержанной им победе в Орбулакской битве. К ним можно добавить работу С.А. Едилханова «Казахско-джунгарские отношения в XVII-XVIII вв.: некоторые историографические аспекты и проблемы» (2005). Если говорить о более ранних работах, то здесь, в первую очередь, следует назвать исторический труд А.И. Левшина «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» (1832) и, отчасти, более ранние исторические описания, например, «Муким-ханскую историю» Мухаммеда Юсуфа-Мунши. И это, пожалуй, всё, чем располагает современный историк касаясь этого конкретного фрагмента казахской истории. Тому, что события, связанные с далеко не простыми и не всегда дружественными контактами между казахами и

Джунгарским ханством, не нашли, за редким исключением, в современных исследованиях глубокого и подробного освещения, есть объективные причины, связанные, прежде всего, с отсутствием либо скудостью документальных свидетельств, как самих участников этих событий и сторонних наблюдателей, так и историков того времени. В казахской среде не велись исторические записи, и судить о характере отношений, о состоянии казахского общества, деятельности казахских правителей, их внутренней и внешней политике мы можем лишь по внешним источникам. Поэтому современному историку буквально по крупицам приходится собирать сведения, истолковывать их, чтобы создать более или менее реальную картину.

Между тем содержание и характер казахско-джунгарских отношений оказали значительное влияние на ход последующих событий, стимулом для которых стало стремление казахских ханов укрепить государственность, консолидировать политические силы с целью противодействия джунгарским властителям, усилению влияния нового территориального соседа в лице ойратского военно-племенного союза, начавшего продвижение в сторону, в том числе, казахских территорий.

Разумеется, всё, что происходило тогда на просторах Великой Степи, было лишь фрагментом мировой истории. Но для государств Центрально-Азиатского региона, как, впрочем, и для Московского государства, его официальных представителей в пограничных областях, данный политический контент вызывал живейшую заинтересованность, поскольку барометр казахско-джунгарских отношений

не отличался устойчивостью. А это, в свою очередь, то укрепляло, то ослабляло не только порубежное равновесие в этом регионе, но и в целом равновесие политическое, каким бы хрупким оно ни было.

Отсюда понятен интерес к рассматриваемой проблеме и современных исследователей, в том числе и казахстанских, поскольку уточнение и расширение фактологии этих отношений позволяет восстановить последовательность развернувшихся событий, определить их роль в последующей, ближней и дальней, исторической реальности.

Методы исследования. В рамках настоящей статьи предпринята попытка обобщения, систематизации и интерпретации имеющихся в распоряжении современного исследователя исторических данных, касающихся роли Джангира, сына казахского хана Есима (Ишима), в казахско-джунгарских военных конфликтах.

Результаты исследования и их обсуждение. Приступая к анализу событий, связанных с именем Джангира, необходимо хотя бы кратко обрисовать картину исторической эпохи, предшествующей этим событиям.

Первая половина XVII в. ознаменована для государств и народов Монголии, Алтая, Урала, Средней Азии и Казахстана выходом на историческую арену нового военно-политического союза ойратских племён – торгоутов, хошоутов, чоросов и дербетов. Тайджи Хо-Урлюк (? – 4.01.1644), возглавлявший соединение торгоутов, уже в конце XVI в. начинает движение в сторону Волги и территорий казахского кочевья.

Отношения, установившиеся между ойратами и казахскими властителями, можно назвать более или менее мирными и дружественными до конца 20-х гг. XVII в., о чём свидетельствуют отчёты русских послов из Джунгарии, датированные 1616 г., в которых они как о свершившемся факте говорят

о «подданстве» и «послушании» Большой казахской орды (имеется в виду казахский Большой жуз) и киргизов, которые «живут с ними (т.е. ойратами-калмыками – прим. авт.) в совете». О том, что эти отношения были достаточно дружественными, говорит факт безвозмездного отпуска казахских пленных ойратами-калмыками. Это отмечено в том же источнике: «А которые ясыри Казатцкие земли прежде сего пойманы были в полон в Колмацкую землю и тех ныне Богатырь-тайша (правитель дербетов Далай Батур – прим. авт.) сыскивая, отдаёт им без откупа. А казачьи и киргизские орды начальники...Богатыря-тайша над собою почитают и его слушают» [1].

В.М. Моисеев делает предположение о причинах, почему часть казахов подчинилась калмыкам, объясняя это как последствия разногласий между ханом Есимом (? - 1628) и бухарским ханом Имамкули (1611-1642) [2]. Определённую роль в этом сыграли и внутриказахские усобицы, в частности между Есимом и султанами Аблаем и Турсуном. Именно такое состояние дел и отразили русские посольские письма.

В этот же период имели место и временные объединения казахов, каракалпаков и ойратов в борьбе за Ташкент и Бухару и против бухарского хана Имамкули, о чём также остались свидетельства современников. Так, Мухаммед Юсуф-Мунши в «Муким-ханской истории» рассказывает об ограблении окрестностей Бухары казахскими дружинами и о том, что Имамкули в 1611 г. в ответ на это собрал огромное войско и двинулся в сторону казахских улусов в нижнем течении Сырдарьи и разорил их [3]. В борьбе за Ташкент принимали участие уже объединённые дружины. Один из таких походов закончился для них трагически, о чём говорится в «Муким-ханской истории»: «Так как племена казахов и калмыков в

минувшее время привыкли к непокорности, то и (теперь), как и прежде, они сразу (всем скопом) напали на окраинные районы охраняемого государства (Мавераннахра) <...>. В 1021 (т.е. 1612-1613 гг. – прим. авт.) его величество ...выступил в поход. И от границ Туркестана до крайних пределов Ашпары и Каратау избив врагов: казахов, каракалпаков и калмыков и изранив их, он их жестоко проучил».

Вообще этот период в истории казахско-ойратских (калмыцких), казахско-джунгарских отношений был богат на временные, особенно военные, союзы, которые, распавшись, делали бывших союзников врагами.

Хан Есим нередко принимал участие в межойратских конфликтах (в частности между Хара-Хулой и Алтын-ханом) с вполне практическими целями. Например, октябрём 1620 г. помечено сообщение русского переводчика Пятуньки Семёнова относительно набега Есима на калмыков в районе Уфы [4]. Это же подтверждается и самими башкирами, сообщавшими, что: «Колматцким тайчам учинилась теснота великая от Казацьи орды от Ишима-царя; побил де у них многих людей...» [5]. Заметим, что документы русской дипломатической службы весьма подробно и последовательно отражают суть предшествующих времени Джангира отношений казахов, с одной стороны, ойратов-калмыков и джунгар - с другой.

Тактика набегов и организация военных вылазок казахских отрядов в союзе с кем-либо из своих давних соседей против джунгар была весьма своеобразна. Никаких длительных договорённостей не существовало, по крайней мере, соответствующие исторические документы отсутствуют. Однако, по-видимому, отслеживались слабые места противника, и в срочном порядке отряды казахов, киргизов, каракалпаков, ногайцев и др. нападали с разных сторон. Так действовал хан

Есим с ханом Восточной Монголии Алтыном в 1620 г., о чём сообщается в русских источниках: «Колматцким тайчам учинилась теснота великая от казацкова от Ишим-хана, а Олтына, государь, царя люди побили у них многих людей и дву де тачей с улусы з женами и з детьми поймали в полон» [6]. В этом военном походе казахи действовали сообща с хотогойтскими владетелями, но никакого официального договора между ними не было, да и не могло быть ввиду тех политических установок, которым следовали в то время кочевые народы.

Таким образом, политика предшествующих Джангиру казахских султанов и ханов была более ориентирована на конфронтацию с ойратами-калмыками и Джунгарским ханством, максимально приблизившимся к местам традиционных казахских кочевий, претендовавших на установление влияния над богатыми южными регионами и их торговыми центрами. Вместе с тем казахские властители не чурались объединяться во временные военные союзы со своими потенциальными противниками.

Между 1629-1632 гг. часть консолидировавшихся в Западной Монголии ойратских племён во главе с Хо-Урлюком остановились между Эмбой и Уилом, позже образовав Калмыцкое государство в низовьях Волги. К 1635 г. хунтайджи Эрдани-Батур становится во главе вновь созданного государства - Джунгарского ханства, - расположившегося на Алтае и в Западной Монголии. Эрдани-Батур объявил войну внутренним междоусобицам, также стремясь к консолидации, усиливая своё влияние в регионе.

Стремление объединить все казахские жузы в одно государство было главным и для внешней политики хана Есима за весь период его правления в качестве всеказахского хана (1598-1628). Его демарши были направлены на нейтрализацию внешних угроз, на

противостояние джунгарам, бухарским властителям и собственным султанам и ханам, не желавшим подчиняться единой власти, на объединение и соби́рание казахских земель. Потому и не случайно в народе его называли «смелым, статным Есим-батыром».

Таково было соотношение сил, такова была практика войны и мира к тому моменту, когда Джангир активно заявил о себе как последовательный противник каких-либо длительных мирных отношений между казахами и джунгарами, казахами и ойратами-калмыками. Конфликт между ними обостряется к началу 30-х годов XVII в.

Содержание проведённого исследования. Будущий герой Орбулакской битвы Джангир (1608 (?) - 1652) в полной мере оправдал своё имя (Жахангер - перс. «покоритель мира, правитель» - прим. авт.). Все его устремления были направлены на недопущение усиления джунгар в любом из возможных форматах. Он был, безусловно, одним из ярких представителей казахской военной аристократии. Даже внешность молодого султана соответствовала представлениям его народа о том, каким должен быть военачальник. А потому он получает имя Салкам, что означает «могучий, внушительный».

Самое первое упоминание о тогда ещё султанине Джангире относится к 1635 г., когда хунтайджи Эрдани Батур (? - 1654) организовал завоевательный поход против казахов, для которых эта военная компания стала неудачной, а Джангир, возглавивший казахское войско, оказался в плену. Об этом вскользь говорит И.Э. Фишер в «Сибирской истории» (СПб, 1774). Каким образом удалось Джангиру освободиться из плена, неизвестно: бежал ли он или был выкуплен, а, возможно, и отпущен без выкупа. Последнее практиковалось между джунгарами и казахами. Не мог каких-либо конкретных фактов выяснить и

А.И. Левшин: автор говорит о некоем случае, позволившем возвратить Джангиру свободу. Правда, М.А. Сарсембаев со ссылкой на некие исторические источники, которые он не называет, пишет о том, что Джангира освободили под его обязательство никогда не совершать нападения на границы Джунгарского ханства. «По другим сведениям, - продолжает автор, - он сумел сам организовать свой побег из плена. Это обстоятельство было на руку султанам, которые вели междоусобную борьбу, они создавали отрицательное мнение о Джангире в связи с его пленением» [7]. В свете имеющихся документальных данных об отношениях казахов и джунгар можно утверждать, что если это обещание и было дано, то для Джангира оно ничего не стоило, и он не собирался его выполнять. Как бы то ни было, уже сам плен для гордого султана должен был стать тяжёлым нравственным испытанием, укрепив его в стремлении продолжать борьбу против джунгар. А.И. Левшин по этому поводу пишет: «Он решил мстить джунгарам и непрерывно тревожил их набегами». По видимому, освободившись из плена около 1636 г., именно с этого времени Джангир укрепился в сознании продолжать борьбу с джунгарами, одновременно поддерживая установленные ещё его отцом дипломатические отношения с монгольскими правителями.

Еще не будучи ханом, Джангир был ограничен во внутренних полномочиях и должен был подчиняться своему брату, хану Джанибеку. Оба брата были едины в желании организовать свои военные силы в антиджунгарской борьбе. Но они постоянно сталкивались с внутренними усобицами, с яростным сопротивлением биев, султанов и ханов, каждый из которых мечтал укрепить свою собственную власть. В то же время с образованием в 1635 г. Джунгарского ханства соотношение сил менялось не

в пользу казахов. Старший жуз периодически был вассалом джунгар. Северная часть казахских земель, пополненная ещё отцом Джангира, Есимом, за счёт распавшегося Сибирского ханства, постепенно начинала контролироваться джунгарами, калмыками, ногайлинцами. Однако создаются и военные объединения казахов, алатауских киргизов, каракалпаков, восточных монголов, дружинников самаркандского батыра Жалантоса. Но эти коалиции и при Джангире и его брате были весьма неустойчивы, временны, хотя именно объединённые дружины, как правило, и одерживали победы. Так, поражением для джунгар окончился «бухарский поход» 1636 г. Хотя джунгары и прорвались сквозь казахские отряды, но были разбиты Жалантосом.

Вообще все 30-е гг. XVII столетия характеризуются обострением казахско-джунгарского противостояния. Для Казахского ханства нарастает угроза с востока, где сформировалась ойратская группировка, включавшая племена чоросов, хойтов, часть дербетов и хошоутов во главе с Хара-Хулой, сын которого Хото-Хочин, получивший из рук Далай-ламы титул хунтайджи и новое имя - Эрдани Батур, формирует могущественное кочевое государство – Джунгарское ханство. Обладая многими качествами сильного владетеля, он был достойным противником Джангира. Русский летописец так говорит о появлении нового государства и его правителя: «В сих летах начало своё возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение, ибо Каракулы сын Батур-тайша благоразумием и храбростью своею как рассеянные калмыцкие республики с их тайшами вместе совокупил и часть Бухарии завоевал, и с того времени, как в 1635 г. он, Батур-тайша, стал именоваться контайша» [8].

С этого времени и до их смерти: Джангира – в 1652 г., Батура – в 1653 г. (по поводу последней даты

мнения исследователей расходятся; в настоящей статье принимается дата, указанная Ратнабхадром, автором биографии Зая-Пандиты, одного из видных деятелей ламаистской западно-монгольской церкви перв. пол. XVII в., с нашей точки зрения, наиболее достоверной. - прим. авт.), жизни этих двух ярких личностей шли то параллельно, то пересекались. Точками пересечения становились либо мирные переговоры и дипломатические миссии в ставку Эрдани Батура, либо, что гораздо чаще, военные столкновения.

В сентябре 1640 г., согласно русским источникам, Джангир отправляет в ставку Эрдани Батура своего посла. В это время самого хунтайджи там не было. Дождался ли казахский посол его прибытия, сама цель посольства и его результаты неизвестны. Указывается лишь, что «были у контайши в те поры <...> Ильден-тайша Урлюков сын да четверы послы бухарские. Казахьи орды Янгира-царевича, да Далай-лабы» [10].

Хан Джанибек, старший брат султана («царевича») Джангира, безусловно, предпринимал дипломатические шаги, в т.ч. и в широко используемых тогда формах брачных союзов. Султан был женат на дочери хошоутского тайджи Хундулена, а дочери выданы замуж за султанов Маверанахра и Могулистана. Со своим тестем Джангира связывали тёплые отношения: тот считал его «названным сыном» [11]. Более того, Хундулен отказался принимать участие в военной компании против казахов 1643-1644 гг.

Джанибеком не без участия Джангира принимались меры и для создания антиджунгарской коалиции: к казахам примкнули тяньшанские киргизы, узбеки, часть монголов и часть хошоутов-джунгар. Осуществлялось и перевооружение дружин. Джангир был знаком с организацией военных отрядов самих джунгар, знал их язык, уже с двенадцатилетнего возраста

входил в состав дипломатических миссий, отправляемых к ойратам.

Т.С. Жумаганбетов пишет о шагах, которые были предприняты ханом Джанибеком и султаном Джангиром в отношении модернизации казахских военных соединений. Были сформированы отряды стрельцов, имелось огнестрельное оружие – мушкетные ружья (мултуки, мылтыки – прим. авт.). Автор говорит, что у казахов были и лёгкие пушки, порох для которых закупался в Китае, а позднее казахи начали делать его сами [12]. Ч. Валиханов ничего не говорит об артиллерии, но об огнестрельном оружии пишет следующее: «Ружьё, мултук, было редкостью в степи и переходило из рода в род, и имело собственные имена: коз-кеч, кульдур-мамай. Оно имело гладкий ствол, фитиль и маленькие сошки из сайгачьих рогов. Стреляли пулями из свинца. Ружьё делали сами киргизы, делали и калмыки и башкиры. Встречаются в степи ещё ружья этой работы и большей частью бьют хорошо, все они имеют продольные полосы по стволу и медные мушки и прицел. Штуцеров не знали, впрочем, у некоторых султанов были среднеазиатские шамгалы, длинные и тяжёлые ружья, которые бьют на 700 шагов» [13]. Если учесть, что заметки Ч. Валиханова относятся к XIX в., то логично было бы предположить, что в середине XVII столетия (а точнее – к 40-м годам) казахские воины были по преимуществу вооружены холодным оружием, применяемым как кавалерией, так и пехотой. Хотя «вогненный бой», т.е. огнестрельное оружие, у них было, по крайней мере, оно было у Джангира. В любом случае, всяческой похвалы заслуживает тактическое решение Джангира, искусство его воинов, их отвага в Орбулакском сражении.

Итак, несмотря на предпринимаемые дипломатические шаги с обеих сторон, новый казахско-джунгарский конфликт оформляется к 1643 г. Первый источник

– свидетельство Г. Ильина, вернувшегося в феврале 1644 г. из ставки Эрдани Батура в Тобольск. Из его письма к воеводе Г.С. Куракину следует, что инициатором войны стал хунтайджи, а начало его похода относится к зиме 1643 г. Ильин рассказывает, что казахи пришли в улусы к хунтайджи, когда его там не было, так как он со своим зятем Очирту-Цецен-ханом и братьями Очирту Аблаем и Чокуром и с другими союзниками (хойтами, чёрными мугалами) «ходил на Янгир-царевича Казачьей орды, да на Ялантуша, да на алтаев-киргизов. А ходило де с ними воинских людей 50 тысяч...». Адресант сообщает, что Эрдани Батур «взял две землицы алтай-киргизов да токмаков тысяч с 10». Это стало известно Джангиру, и он выступил ему навстречу. Всё войско султана составляло всего 600 человек, но он тактически верно, с учётом особенностей местности, расставил их таким образом, чтобы минимально сократить потери: «покапав шанцы меж камнем, и в те шанцы посадил 300 человек с вогненным боем». Сам же с остальными воинами укрылся за камнями. В первой же атаке ойраты, наткнувшись на ружейный огонь из окопов, понесли значительные потери. Одновременно Джангир ударил из укрытия, в результате чего войско джунгар потеряло около 10 тысяч человек.

Скорее всего, воинам Джангира даже из такой удачной позиции не удалось бы сдержать джунгар, но ему на помощь пришёл двадцатитысячный отряд Алантуша. А.И. Левшин говорит о нём как о татарском князе. Силы приблизительно выровнялись. Если провести простейшие и очень приблизительные расчёты, то у Джангира с Алантушем должно было быть не более двадцати с половиной тысяч человек, а у джунгар, с учётом их потерь, несколько более 30 тыс. Но сражение было выиграно Джангиром с его союзником.

Орбулакская битва была, пожалуй, одним из наиболее значимых событий в истории казахско-джунгарских конфликтов XVII в. Она показала, что удачно выбранная тактика, умение выбирать союзников, хорошая военная подготовка и высокий дух способны противостоять превосходящим силам противника.

Поход против казахов продолжался до середины лета 1644 г., при этом имеющиеся источники, в частности сообщения казака Г. Ильина, по поручению русской администрации постоянно бывавшего в ставке Эрдани Батура, а также ойратского посла Бахтыя, прибывшего в Тобольск от Аблай-тайджи в феврале 1644 г., ничего не говорят о причинах этого конфликта.

В рамках нашей статьи мы не будем останавливаться на последствиях поражения Эрдани-Батура. Скажем лишь, что тот после такого позора на поле брани не мог не думать об отмщении. Он активно готовился к следующей войне, закупал оружие и военную амуницию. Но о выступлении Эрдани-Батура против Джангира, намеченное на весну 1645 г., ничего в исторических источниках не сказано. По всей видимости, оно было отложено, но в 1646 г., согласно донесению боярина Д. Аршинского, «ходил контайша войною в Казачью орду на Янгир-царевича и многих людей побил, да и брата Янгирова с женою и з детьми и со многими людьми в полон взял» [14]. Эти сведения приведены В.А.

Моисеевым, который подверг сомнению утверждение И.Я. Златкина о том, что до 1646 г. военных походов против казахов джунгары не делали [9].

Последняя при жизни обоих правителей военная кампания началась в 1652 г., когда Джангир уже был ханом (он получил этот титул в 1648 г., после смерти своего брата Джанибека. – прим. авт.). В этом сражении Джангир погиб, но история военных конфликтов между казахами и джунгарами с его смертью не закончилась.

Заключение. Джангир, как можно заключить из всего известного о нём, был сторонником активного военного противодействия джунгарам. Это стало доминантой всей его жизни как политика и военачальника. Его стратегия в отношении Джунгарского ханства предполагала усиление сплочённости самих казахов, реформирование и модернизацию армии, постоянный поиск военных союзников и поддержание союзнических отношений.

За весьма сдержанными строками исторических документов, упоминающих о Джангире или рассказывающих о его военных походах, трудно разглядеть личность. Но результаты его действий говорят нам о том, что он обладал такими качествами, которые позволили ему завоевать авторитет не только в среде своих соплеменников, но и порубежных соседей, испытывавших давление со стороны джунгар.

Примечания:

1. ЦГАДА. Ф. Зюнгарские дела. Оп. 113 1616 г. Д. 1. Лл. 77-78.
2. Моисеев В.М. Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата: Галым, 1991. 238 с.
3. Мухаммед Юсуф-Мунши. Муким-ханская история / пер. с тадж., предисл., примеч. и указат. А.А.Семёнова. Ташкент: Госиздат, 1956. 291 с.
4. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. Сборник документов. Москва: Госиздат, 1959. 604 с.
5. Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 2009. 656 с.
6. ЦГАДА. Ф. Зюнгарские дела. Оп. 113. 1620 г. Д. 1. Л. 10.

7. Сарсембаев М.А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан», 2015. 342 с.
8. ЦГАДА. Ф. 196. Летопись Черепанова. Д. 1542. Л. 184.
9. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства 1635-1758. Москва: Наука, 1983. 336 с.
10. ЦГАДА. Сибирский приказ. Стб. 115. Л. 31.
11. История Казахстана в русских источниках. Т. I: Посольские материалы Русского государства (XVI-XVII вв.) / сост., коммент. и ред. А. Исина. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 726 с.
12. Жумаганбетов Т.С. Хан Жанибек II в истории казахского государства XVII в. // Вестник КазНУ. 2012. № 1 (64). С. 22-25.
13. Валиханов Ч. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. 3-е изд. Алматы: Алатау, 2018. 480 с.
14. Русско-монгольские отношения: сб. Документов: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1974.

References:

1. TsGADA, f. Zyungar affairs, op. 113, 1616, d. 1, l. 77-78.
2. Moiseev V.M. Dzungarian Khanate and Kazakhs (17th-18th centuries). Alma-Ata: Galym, 1991. 238 pp.
3. Mukhammed Yusuf-Munshi. Mukim Khan's history / Transl. from Tajik, preface, notes and directory by A.A.Semyonov. Tashkent: Gosizdat, 1956. 291 pp.
4. Materials on the history of Russian-Mongolian relations. 1607-1636. Collection of documents. M.: Gosizdat. 1959. 604 pp.
5. Levshin A.I. Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaysak hordes and steppes. Almaty: Sanat, 2009. 656 pp.
6. TsGADA f. Zyungar affairs, op. 113. 1620, d. 1, l. 10.
7. Sarsembaev M.A. Kazakh Khanate as a sovereign state of the medieval era. Astana: GU Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan, 2015. 342 pp.
8. TsGADA, f. 196. Chronicle of Cherepanov, d. 1542, l. 184.
9. Zlatkin I.Ya. History of the Dzungarian Khanate 1635-1758. Moscow: Nauka. 1983. 336 pp.
10. TsGADA. Siberian order. Stb. 115, l. 31.
11. History of Kazakhstan in Russian sources / Comp., comment. and ed. by A. Isin. Almaty: Dyke-Press. 2005. Vol. I. Embassy materials of the Russian State (16th -17th centuries). 726 pp.
12. Zhumaganbetov T.S. Khan Zhanibek II in the history of the Kazakh state of the 17th century // Bulletin of KazNU. 2012. No.1 (64). P. 22-25.
13. Valikhanov Ch. Collected works in 5 vols. 3rd ed. Vol. 4. Almaty: Alatau, 2018. 480 pp.
14. Russian-Mongolian relations. Collection of documents. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1974.

*Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 09.12.2022; принята к публикации 10.12.2022.
The authors declare no conflicts of interests.
The paper was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 09.12.2022; accepted for publication 10.12.2022.*